

Артур Шницлер

**ПРОЩАЛЬНОЕ
ПИСЬМО
АНДРЕЯ ТАМЕЙЕРА**

Аннотация

Новелла написана в 1908 году. Ее автор — крупный представитель венского импрессионизма. Проза и драматургия Шницлера приобрели широкую известность, были не раз экранизированы. В России его пьесы ставили В. Мейерхольд и А. Таиров. Шницлер в числе первых в немецкой словесности обратился к «внутреннему монологу», психологическому анализу. В его сочинениях всегда есть эпизод смерти какого-то персонажа и интерес к впечатлениям человека от реальности. Культ смерти взят из атмосферы эпохи, как часть мироощущения декаданса. Он прорвался даже в самые светлые книги писателя. Весной 1933 года в Германии массово жгли книги выдающихся отечественных писателей и авторов из Англии, Франции, США и других стран. В костер попали и сочинения Шницлера. Его творчество стало зеркалом венского общества первых трех десятилетий XX века. Почти все произведения писателя были переведены на русский язык.

Перу Шницлера принадлежат и такие произведения: «Слепой Иеронимо и его брат», «Фрау Беата и её сын», «Судьба барона Лейзенбога».

Артур Шницлер

Прощальное письмо Андрея Тамейера

Дольше жить я никак не могу, потому что пока я жить буду, люди будут глумиться надо мной, и никто не признает правды. А правда в том, что жена мне никогда не изменяла, клянусь всем, что мне свято, закрепляя эту клятву смертью моей. Кроме того, я читал кое-что в книгах, касавшихся этого сложного и загадочного сюжета, и, если некоторые и сомневаются на этот счет, то ведь существуют и серьезные ученые, вполне убежденные в противном. Я хочу даже привести здесь примеры, которые каждому беспристрастному человеку должны показаться безусловно неоспоримыми. Так, Малебранхе рассказывает, что благодаря тому, что одна женщина в день чествования Пия Святого слишком напряженно смотрела на его образ, ребенок, которого она вскоре произвела на свет, до чрезвычайности походил на этого святого: лицо ребенка очень напоминало усталые черты старика, руки были молитвенно скрещены на груди, глаза обращены к небу, а на плече замечалось родимое пятно, своим рисунком напоминавшее сдвинутую шапку святого. Если для кого-нибудь рассказ этот, несмотря на свидетельский авторитет последователя знаменитого философа Картезиуса, кажется не вполне правдоподобным, быть может, имя Мартина Лютера явится в этом случае более убедительным. И вот Лютер в одной своей застольной проповеди говорит, что в Вирттемберге он знал человека с головой мертвеца, причем было достоверно известно, что мать этого несчастного, ожидая его появления на свет, до потрясения перепугалась покойника. Но, что лично мне кажется наиболее значительным, и в чем нет никакого повода сомневаться, так это повествование Элиодора в «*Libri aethiorum*». По словам этого ценного автора, королева Персина, после десятилетнего супружества с королем эфиопским Гидаспесом, родила ему белую дочку, которую она, предвидя гнев мужа, сейчас же вслед за ее появлением на свет, велела подбросить. На ребенка она надела пояс с надписью, в которой излагалась причина этого рокового происшествия. В саду королевского дворца, где Персина принимала объятия своего чернокожего мужа, находились великолепные мраморные статуи греческих богов и богинь, — на них королева обращала свои восхищенные взоры. Но могущество духа идет дальше, и не одни только суеверные и темные люди исповедуют такое воззрение. Это подтверждается следующим происшествием, бывшим в 1637 году во Франкфурте.

Там одна женщина произвела на свет мальчика после четырехлетнего отсутствия мужа, причем клялась, что за несколько месяцев до этого с поразительной отчетливостью и живостью видела во сне, будто принимает пламенные объятия мужа. Врачи и повивальные бабки Монпелье подтвердили под присягой, что это вполне правдоподобная вещь, и Гаврская судебная палата признала за ребенком все права рожденного в законе. Далее, я нахожу у Гамберга, в его «Загадочных явлениях природы», на странице 74-ой, повествование о женщине, произведшей на свет мальчика с львиной головой, потому что на седьмом месяце своей беременности она присутствовала вместе с мужем и матерью на представлении укрощения львов. Потом еще я вычитал в книге Лимбока «Впечатлительность беременных и явления от нее происходящие», Базель, год 1846-ой, страница 19-ая, что родился однажды ребенок с родимым пятном на щеке, в виде ожога, потому что мать, за несколько месяцев перед его рождением, видела, как пламя охватило дом. В книге этой помещены еще и другие, в высшей степени удивительные вещи. И даже теперь, когда я пишу это, книга лежит передо мной на столе. Я только что пробежал ее вновь, и, действительно, все написанное в ней, — есть достоверно и научно обоснованные факты, точно так же, как достоверно то, что я лично пережил или, скорее, моя милая женушка, никогда не изменявшая мне. Последнее так же верно, как и то, что в этот момент я пока еще существую на свете... Но простишь ли мне, дорогая супруга, мое намерение уйти из мира сейчас? Ты должна мне простить... Ведь это из-за тебя я умираю, умираю, потому что не могу выносить насмешек людей надо мной и тобой!.. Но теперь они перестанут глумиться, так как все отлично поймут... Пусть же тот из них, кто найдет и меня, и письмо это, знает, что жена моя, в то время, как я пишу эти строки, спит в соседней комнате безмятежным сном человека, у которого совесть чиста... А дитя ее, т. е. наше общее дитя, которому всего только две лишь недели, лежит в колыбели у постели ее и спит так же сладко, как и мать... И вот, прежде, чем я навсегда расстанусь с домом, я тихонько, не будя, поцелую в лоб и жену, и сына... Пишу обо всем этом так подробно, чтоб не сочли меня за сумасшедшего. О, нет, я далеко не сумасшедший: все это слишком хорошо обдуманно мной, и теперь я совершенно спокоен... И лишь только я кончу письмо, сейчас же выйду в эту глухую, глубокую полночь и пойду по пустынным улицам все дальше и дальше по дороге, ведущей к Дорнблаху, по дороге, которой так часто мы хаживали с женой в первый год нашего супружества. Так дойду я до самого леса... Все это глубоко продумано, и в данный момент я сохраняю полную ясность рассудка. Итак, суть дела такова. Я, Андрей Тамейер, чиновник австрийской государственной сберегательной кассы, тридцати четырех лет от роду, живущий по Большой Герназельской улице, в доме № 64, в браке состою четвертый год. Жену свою знал за семь лет до женитьбы. Она отвергла два предложения, потому только, что любила меня и ждала. Первый претендент на ее руку был комиссар, с жалованьем в 1800 гульденов, а второй, очень красивый кандидат-медик из Триеста, живший в доме ее родителей, в качестве квартиранта. И